
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Косиченко А. Г.*

Религиозная идентичность наряду с этнической, гражданской, возрастной и рядом иных идентичностей образует систему взаимосвязанных актов самоопределения человека и общества в целом. Религиозная идентичность хотя и осуществляется в социуме и государстве, но общество и государство – только контекст, в котором реализуется свободный выбор человеком своих отношений с Богом. Влияние глобализации на формирование религиозной идентичности в наибольшей мере проявилось в унификации международного законодательства в религиозной сфере и в экуменизме. В обоих случаях произошло искажение содержания процессов религиозной идентичности, что привело к углублению секуляризации современного мира.

Ключевые слова: человек, религия, глобализация, идентичность, свобода, законодательство, экуменизм.

The religious identity, along with ethnic, civil, age and a number of other identities, forms a system of interrelated acts of self-determination of a person and society in general. The religious identity, although it is realized in society and in the state, but society and the state are only a context in which a person's free choice of the relationship with God is realized. The influence of globalization on the formation of religious identity is most evident in the unification of international legislation in the religious sphere as well as in ecumenism. In both cases, there occurred a distortion of the content of religious identity, which led to the deepening secularization of the modern world.

Keywords: human, religion, globalization, identity, freedom, legislation, ecumenism.

Введение

Глобализация обладает свойством всеобщности; нет ничего, что бы осталось вне ее влияния и что бы она не вовлекала в свою орбиту. Все, что остается пока вне ее воздействия или сопротивляется ей, глобализация рассматривает в качестве излишнего в человечестве, своего рода рудимента. Религия как раз из этого числа. Поэтому она испытывает сильнейшее давление глобализации и какими-то своими гранями поддается этому влиянию: в социально-политических своих проекциях; в системе канонического права; в реализации принципа светскости и невмешательства государства во внутренние дела религии и т. д. Однако в сущности своей религия выше и больше глобализации, что бы мы ни понимали под глобализаци-

* Косиченко Анатолий Григорьевич – д. ф. н., профессор, г. н. с. Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан. E-mail: anatkosichenko@mail.ru.

ей и как бы ее ни интерпретировали. Этому есть простое объяснение. В религии центральным моментом является Бог, и Он превосходит все возможности глобализма и глобализации. Пока в религии есть Бог, глобализация перед ней бессильна. Однако все дело именно в этом «пока». Здесь не место анализировать, почему так происходит, но надо констатировать, что религия сегодня перестает быть религией во многих своих смыслах и проявлениях, и особенно в главном – быть средством спасения души человека для вечной жизни, для Царства Небесного. Поэтому сегодня Бог как бы и присутствует в религии, но большее ее содержание связано с реалиями человеческого существования в современном мире.

В массе своей люди приходят к вере в процессе ее выбора в наличных социально-политических, образовательных, семейных, возрастных условиях, этот процесс и является предметом данной статьи. В этом случае мы заостряем внимание на активности человека и его свободе в вопросах религиозной идентичности. Но более глубокий уровень понимания религии открывает иное видение веры и религиозной принадлежности. Только сам Бог может привлечь человека к вере, и собственными усилиями человек обрести веру не способен. «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня...» [Ин. 6:44]. Из этого следует, что религиозная самоидентификация есть лишь предварительное условие вхождения в веру, последнее слово здесь за Богом. И это истина не только христианства; Коран содержит аяты, в которых говорится о «расширении сердца человека» Аллахом как о даровании человеку веры. В статье мы не будем рассматривать этот глубинный уровень религиозной принадлежности, а сосредоточимся на процессах выбора веры человеком в условиях глобализации.

Глобализация в качестве идейного основания имеет постмодернизм и либерализм. Как это сказывается на религии и на процессах религиозной идентичности? «Либерализм настаивает на относительности истины, на плюрализме, равенстве мировоззрений. А религия исходит из абсолютности заповедей, данных Богом, из абсолютности догматов, из ценностного монизма. Либерализм, сталкиваясь с религией, вступает в глубочайшее противоречие с самим собой: он обязан допускать существование религии (как одной из мировоззренческих систем), но не может согласиться с абсолютностью и вечностью религиозных истин. Поэтому либерализм искажает сущность религии (искаженную религию он принимает и одобряет), он относится к религии как к исторически развивающемуся феномену, обязанному меняться в соответствии с новой реальностью и новыми запросами общества. Когда же религия не меняет своих догматических основ (а как она может их менять?), то подвергается жесткой критике со стороны либерализма за догматизм и “отсталость от жизни”» [Косиченко 2013].

Религиозная идентичность

Религиозная идентичность наряду с этнической, гражданской, поколенческой и рядом иных идентичностей образует систему взаимосвязанных актов самоопределения человека и общества в целом. Нет смысла искать, какая из обозначенных идентичностей наиболее значима, все они являются определяющими внутри своих сфер самоидентичности. Этническая идентичность проявляется как самоопределение человека внутри этноса и в отношении этноса, гражданская – в отношении государства, религиозная – в отношении к Богу. Процессы идентичности не

одномерны и могут включать в себя самые разные аспекты и элементы, часто противоположного свойства. Если говорить об идентичности в сфере религии, человек может верить или не верить в Бога, но даже и его неверие есть тоже его, человека, самоидентификация в религиозном отношении.

Различные формы идентификации человека и общества взаимодействуют между собой, существенным образом влияют друг на друга, что и создает отмеченную выше систему идентичностей. Так, религиозная идентичность определяется не только выбором человека в собственно религиозной сфере, но его принадлежностью к этносу, социальной и возрастной группе, определяется религиозной политикой страны, внешней политикой государства и т. д. Следует отметить также, что сами процессы религиозной идентификации оказывают значимое, подчас определяющее влияние на состояние общества и политику государства, как внутреннюю, так и внешнюю. «Поскольку в современных обществах религия часто определяет идентичность, трудно сохранять простое разделение публичного и частного. Более того, эти идентичности являются, как правило, транснациональными и потому не могут быть ограничены национально-государственными границами. Можно сказать, что публичное пространство сакрализовано постольку, поскольку публичные религии играют важную роль в политической жизни» [Тернер 2012].

Однако, несмотря на системность процессов идентификации, в целях особого анализа религиозной идентичности, которые стоят перед нами в данной статье, необходимо отметить следующее. Смещение религиозной и иных форм идентичности камуфлирует собственно религиозный выбор человека. Идентичность – это всегда выбор внутри системы с доминирующим ядром (историческим и ценностным), каковым являются этнос, государство, религия и т. д. Это – центральный момент в понимании сущности идентичности. Идентичность не произвольна, она укоренена в традициях и ценностях. Формирование идентичности, а также ее утрата связаны с ценностной системой, внутри которой идентичность получает свое содержание. «Смысл взаимосвязи формирования идентичности и ценностных ориентаций заключается именно в том, что в случае крушения наших ценностей нам непросто сохранить свою идентичность, точно так же как в случае кризиса идентичности нам сложно сохранить свои ценностные ориентации» [Йоас 2013].

Религиозная идентичность хотя и выступает, как говорилось, в ряду других идентичностей, но существенно от них отличается. Она выстраивается свободно: свободный выбор религии – основное условие этой формы идентичности. Конечно, религиозную идентичность можно навязать, что нередко и делается, но она не будет устойчивой; от насильно навязанной идентичности и люди, и общества, как правило, вскоре отказываются. Религиозная идентичность человека (и – в меньшей степени – общества) есть, по существу, религиозный выбор (веры в Бога или неверия в Него) и тем самым выстраивание отношений человека с Богом. Отнюдь не государство и не общество играют решающую роль в процессах формирования религиозной идентичности. Религиозная идентичность хотя и осуществляется в социуме и в государстве, но общество и государство – только контекст, в котором осуществляется выбор человеком своих отношений с Богом. Вот почему так важна свобода человека при реализации права на религиозное самоопределение. Свобода всегда нужна для истинной и адекватной идентичности. Но идентичность этническая или возрастная предзадана, и хотя правдами и неправдами возможно и здесь

переменить эти типы идентичности (то есть и здесь присутствует свобода), но в случае с религиозной идентичностью без свободного выбора она не осуществляется.

Государство и общество, бесспорно, также влияют на процессы формирования религиозной идентичности. Общество, исходя из своих традиционных ценностей, нередко предопределяет выбор религии человеком через его принадлежность к этносу, исповедующему ту или иную религию. Человек может принять это этническое религиозное исповедание свободно, а может и под давлением общественного мнения. В первом случае его вероисповедание более осознанно и укоренено в сознании, а во втором вероисповедание может и быть глубоким, и не быть им. Когда вероисповедание человека неглубоко и усвоено внешним образом (через давление общества), вера его сомнительна. При этом возникает феномен ложной веры, а в проекции на общество – феномен околорелигиозной среды, которая является объектом воздействия радикалов от религии. Государство, в свою очередь, оказывает влияние на формирование религиозной идентичности посредством выстраивания государственно-конфессиональных отношений и принятия законов, регламентирующих религиозную сферу.

Можно констатировать, что религиозная идентичность и отдельным индивидом, и обществом осуществляется в двух преимущественных формах. Первая из этих форм – непосредственно религиозная идентификация как процесс принятия человеком на себя всей совокупности определенностей, связанных с религией. Только религиозное содержание идентичности (как самоидентичности) имеет место в этом случае. Человек овладевает правилами, нормами, идеалами, ценностями той или иной религии и живет (или пытается жить) в соответствии с нормами религии. Вторая форма религиозной идентичности также напрямую касается самоопределения (или определения принадлежности человека и общества) в отношении религии, но эта форма идентичности нагружена и другими аспектами идентичности – уже не собственно религиозными, а такими как, например, этническая идентичность, гражданская идентичность, возрастная и половая идентичность и т. д.

Влияние глобализации на религиозную идентичность

Содержание религиозных учений деформируется современными глобальными процессами. Отчасти глобализм делает это вполне осознанно, так как ставит перед собой цель снизить влияние религии на современный мир; отчасти это происходит как бы само собой: все усредняя и искажая, глобализация искажает и религию. Но как бы то ни было, результат один и тот же: смысл и содержание религии в ходе глобальных процессов существенно искажаются. И коль скоро содержание религии и ее смысл искажены, то искажены и процессы формирования религиозной идентичности, так как, выбрав искаженную религию, человек, даже будучи верен ей, пребывает в заблуждении относительно своей веры.

На такой идейной основе сегодня базируются многие новые религиозные течения, которые, не будучи религией по существу, тем не менее уверены в своем праве именоваться религией. Почему бы и нет, если суть религии размыта? Адепты таких религиозных течений убеждены своими лидерами в том, что они выбрали правильный путь спасения и находятся на пути в Царство Небесное. Но это самообман. Истинная религия – это «тесный» путь самоограничения, смирения, скорби и покаяния. Всего этого, как правило, нет у новых религиозных течений.

Впрочем, можно добавить, что многие из этих течений и не ставят задачи обретения Царства Небесного, полагая, что цель религии лежит в ином – и здесь имеется великое множество вариантов этих целей.

Подчеркнем, что религиозная идентичность не сводится только к выбору человеком именно истинной (в традиционно религиозном смысле) религии, человек может выбрать какую угодно религию или атеизм. И все это будет иметь отношение к религиозной самоидентификации. Атеист – тоже религиозная идентификация, но отрицающая религию. Человек свободен, он вправе выбрать все что угодно, но ему придется отвечать за свой выбор. Вот чего не хотят понять «верующие» во все что угодно. Религия – довольно жесткая сфера ответственности и четких целей, и все они связаны с «будущим веком» – как неизбежного будущего всякого человека. Если же интерес адепта лежит в сфере обретения духовного могущества, реального – что вряд ли, или мнимого – как правило; если человеку интересен сам процесс приобретения необычных знаний или ему нравится демонстрировать какие-то необычные умения, то так и надо самоопределяться: мистика, эзотерика, сомнительные эксперименты с сознанием. Но не религия.

Огромное значение в снижении роли собственно религии в формировании идентичности как человека, так и общества сыграла секуляризация, понимаемая как процесс глобального вытеснения религии из всех сфер человеческой жизнедеятельности. На это обстоятельство обращают внимание многие религиоведы, которые исследуют и сущность религиозной идентичности, и сущность секуляризма. Так, крупнейший специалист в области последнего Чарльз Тейлор подчеркивает, что секуляризм стал господствующим мировоззренческим трендом в последние несколько столетий в связи с отказом от религиозной интерпретации истоков всего сущего. Тейлор, в частности, пишет: «Одним из способов понимания секулярности является ее интерпретация в терминах публичных пространств. Последние же, как принято думать, в наше время полностью избавились от Бога или от какой-либо связи с высшей реальностью. Или, если взглянуть на проблему с другой стороны: те принципы и нормы, которым мы следуем, те решения, которые мы принимаем, когда действуем в разных областях – экономической, политической, культурной, образовательной, рекреационной – как правило, не имеют отношения к Богу или к каким-либо религиозным верованиям; соображения, которыми мы руководствуемся в своих поступках, определяются собственной, внутренней “рациональностью” каждой из этих сфер деятельности: в экономике это максимальная прибыль, в политике – наибольшая польза наибольшего числа людей» [Тейлор 2017: 3].

Деформация религиозной сферы со стороны глобализации приводит и к такому феномену, как ложная религиозная идентификация. В основе этой ложной идентичности лежит упрощенное понимание религии как феномена гражданского общества. Религию, конечно, можно понимать и таким образом. Но суть ее совершенно иная; в общественном и гражданском ее измерении религия раскрывает лишь небольшой спектр своего содержания. Доверившись такому – гражданскому, общественному или гуманитарному – содержанию религии, человек избирает для себя религию только лишь на основании этих ее ограниченных и весьма далеких от центрального смысла религии проявлений. И, приняв часть религии за всю ее полноту, человек совершает ошибку своей религиозной принадлежности. Приведем лишь два, но характерных примера.

В настоящее время, согласно многочисленным социологическим опросам, около половины европейцев считают, что христианские ценности по-прежнему значимы для Европы, но интересно, что признается внешняя для христианства значимость этих ценностей. Так, 48 % европейцев считают, что христианские ценности играют ключевую роль в «развитии диалога между различными культурами и религиями» и «солидарности с бедными». А собственно сакральное значение христианства в массовом европейском сознании утрачивается. Эта подмена сущности религии на одно из ее социальных проявлений и порождает эффект ложной религиозной идентификации. Человек может принять религию, поддавшись этой ее социальной роли, и будет считать себя верующим. Но затем он убеждается, что понравившаяся ему грань религии далеко не основная и не составляет суть религии и что в религии действительно нужно духовно развиваться, подвергая себя прежнего безжалостной критике и принципиальному изменению. Вот эту-то «часть» религии человек не хочет принимать, так как она в высокой степени требовательна, а он не был готов на выполнение условий личной духовной трансформации. Его, человека, помощь бедным или его посильное участие в культурных и нравственных диалогах с представителями иных религий ему по-прежнему нравится, он готов так жить; но вот глубокие изменения в своей личности он совершить не может. Приходится констатировать, что религиозной идентификации такой человек не осуществил, она была ложной. Он слишком либерально понял религию – как осуществление справедливости, как заботу о ближнем, и хотя эта забота обязательна для верующего, к ней далеко не сводится практическое отправление веры.

Второй пример связан с так называемой внеконфессиональной религиозностью. Надо отдавать себе отчет в том, что внеконфессиональной веры нет. Сам феномен внеконфессиональной религиозности сомнителен с религиозной точки зрения. Как, например, можно быть христианином, не будучи католиком, протестантом или православным? Вера в Иисуса Христа требует исполнения целого ряда заповедей, блаженств, участия в таинствах церкви и т. д. Все это возможно только в конфессиональной среде. К примеру, если христианин не причащается, то он и не христианин. Но когда человек верует внеконфессионально, то таинства им не исполняются, и, следовательно, он не христианин. Поэтому совсем не из-за сохранения паствы и не из желания иметь деньги с каждого верующего конфессии утверждают нелегитимность внеконфессиональной веры и внеконфессионального исповедания веры. Очень часто человек говорит: «У меня вера в сердце, я не хожу в храм, в мечеть, но я верю в Бога; а там у вас (в конфессиях) неправда, ложь, любовь к деньгам, мздоимство и прочее». Но такая позиция – не вера; мало ли, что ты знаешь, что есть Бог, и ты в Него веруешь. Апостол Иаков сказал: «...и бесы веруют, и трепещут» (Иа. 2: 19). Внеконфессиональная религиозность есть в лучшем случае самообман якобы верующего человека. Этот самообман не может длиться долго. Верующий, как правило, все же приходит в конфессию; если же нет, то довольно скоро он утрачивает остатки веры.

Можно указать и еще на ряд форм явного влияния глобализации на процессы формирования религиозной идентичности сегодня. Остановимся, однако, на двух из них: искажении религиозной идентификации вследствие унификации международного законодательства в сфере религии и такой форме глобализации в религиозной сфере, как экуменизм; обе этих формы предельно значимы для религиозной идентичности.

Религиозная идентичность и законодательство в религиозной сфере

Глобализация – многогранный процесс, и она имеет возможность влиять на выбор религиозной идентичности через различные механизмы, являющиеся ее «дочерними» формами. Такова, среди прочих, сфера законодательства в области религии. Глобальные международные акты в религиозной сфере доминируют над национальными, и в этом явным образом проявляется глобализация законодательной сферы.

Такой глобализации и унификации в рамках, например, Европейского союза, подверглась вся сфера законодательного оформления функционирования религии. Это одна из самых непосредственных форм влияния глобализации на процессы религиозной идентичности. Характер законодательного пространства, в котором человек или общество избирает или продуцирует религиозную идентичность, является очень действенным фактором религиозного выбора. Не одно и то же, когда законодательство в одном случае оставляет свободным выбор религиозной идентичности, и когда – в другом – законы имеют секулярную направленность и создают пренебрежительный по отношению к религии контекст выбора исповедания. Европейский союз принял множество рекомендаций и постановлений, регламентирующих деятельность религиозных объединений как раз в уничижительном для религии ключе. Обратимся к нескольким наиболее характерным в этом отношении международным документам, задающим тон в законодательной сфере в области религии.

Основополагающим международным документом, регулирующим право на свободу вероисповедания, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая еще в 1950 г., но с тех пор многократно дорабатываемая. Статья 9 этого документа постоянно цитируется правозащитниками, она получила широкую известность. «1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. 2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц» [Конвенция...].

Как видно, в соответствии с либеральным пониманием прав человека он может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, переходить из одной религии в другую и т. д. Эти либеральные принципы в их проекции на религию закреплены во всех международных документах и стали реальностью нашего времени. Но все мировые религии запрещают переход из религии в религию (в мягком варианте – не одобряют). За подобный переход грозит наказание: и в посмертной жизни, и, нередко, в здешней – широко известны факты смертных приговоров мусульманам, перешедшим в христианство (в Пакистане, ряде арабских стран и т. д.).

Европейское законодательство в сфере религии имеет два крупных блока. Первый – национальные законодательства, которые достаточно патронажны в отношении религии (согласно им, почти в каждой стране Европы на конституционном уровне или на уровне специального законодательства оговорено преимущественное право для той или иной религии). Второй блок – международный (общеевропейский или даже общемировой). Именно во втором блоке и принима-

ются законы и иные акты, в ходе реализации которых религия утрачивает свои права. Причем религия специально как бы и не подвергается дискриминации, она, как и всякие другие объединения граждан, напротив, защищается. Но меняется стратегическое видение сущности религии, и уже под это видение принимаются международные документы.

Вот, к примеру, как определяются религии в концептуально очень важном документе – Рекомендации ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека» (2007). «Парламентская Ассамблея отмечает, что религия является важной характерной чертой европейского общества...» (ст. 1). «Организованные религии как таковые являются неотделимой частью общества и должны рассматриваться как институты, созданные гражданами и для граждан, которые имеют право на свободу религии, а также как организации, являющиеся составной частью гражданского общества со всем своим потенциалом, позволяющим служить ориентиром в этических и гражданских вопросах, и играющие определенную роль в национальном сообществе, будь оно религиозным или светским» (ст. 2). «Совет Европы должен признать такое положение дел и приветствует и уважает религию во всем ее многообразии как форму этического, морального, идеологического и духовного самовыражения части европейских граждан с учетом различий между самими религиями и особенностей каждой из стран» (ст. 3).

Все, что было до этого, – демократический антураж. А вот сущность: «За последние 20 лет религиозный культ претерпел заметный упадок в Европе. Менее одного европейца из пяти посещают религиозную службу не реже одного раза в неделю, тогда как 20 лет назад эта цифра была в два раза больше. В то же время мы наблюдаем усиление мусульманских общин практически во всех государствах – членах Совета Европы» (ст. 6). «Свобода религии защищена статьей 9 Европейской конвенции о правах человека и статьей 18 Всеобщей декларации прав человека. Однако эта свобода не является беспредельной: неприемлема религия, доктрина или обряды которой противоречат другим основным правам» (ст. 16). «Государства также не имеют права допускать распространение религиозных принципов, которые, будучи воплощенными в жизнь, нарушали бы права человека. Если в этом плане существуют сомнения, государствам следует потребовать от религиозных лидеров занять недвусмысленную позицию в пользу главенства прав человека, изложенных в Европейской конвенции о правах человека, над любым религиозным принципом» (ст. 17, курсив мой. – А. К.).

«Следует исключить любое вмешательство в религиозные дела, но рассматривать религиозные организации как часть гражданского общества (курсив мой. – А. К.) и призывать их играть активную роль в достижении мира, сотрудничества, терпимости, солидарности, межкультурного диалога и в распространении ценностей Совета Европы» (ст. 23.2). «Подтвердить принцип независимости политики и закона от религии» (ст. 23.3, курсив мой. – А. К.). «Не проводить консультации с группами, которые не заявили однозначно о поддержке основных ценностей Совета Европы, а именно прав человека, демократии и верховенства закона» (ст. 23.5.). «Постепенно исключать из законодательства, если такова воля народа, элементы, которые могут быть дискриминационными с точки зрения демократического религиозного плюрализма» (ст. 24.2, курсив мой. – А. К.) [Рекомендация... 2007].

Сегодня религию вытесняют из общественной и государственной жизни. Определенные силы (недовольные «живучестью» религии и ее стремлением участвовать в различных общественно значимых процессах) делают это сознательно, другие – отстаивая «права человека» и «гуманистические идеалы». Как бы там ни было, ситуация развивается довольно быстро, и религия теряет социумные позиции. Причем подчас она не может защитить даже свои общепризнанные права.

Несколько лет назад по миру прокатилась череда «карикатурных» скандалов, и когда лидеры религий, подвергшихся осмеянию и оскорблению (оскорблялись и мусульмане, и христиане), подняли этот вопрос на международном уровне, ряд очень ответственных международных структур приняли постановления и рекомендации в пользу свободы слова, при этом оскорбление верующих было признано их частным делом. Так, Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 1577 (2007 г.) «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию», название которой говорит само за себя. А еще раньше, в 2006 г., ПАСЕ приняла Резолюцию 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований», в которой отмечалось: «...в демократическом обществе свобода мысли и свобода выражения должны допускать открытую дискуссию по вопросам, касающимся религии и верований... Современные демократические общества образуют индивидуумы, исповедующие различные убеждения и верования. Нападки на индивидуумов на основе их религии или расы не могут допускаться, однако законы о святотатстве не должны использоваться для ограничения свободы выражения и мысли» (ст. 3). «Святотатство, – подчеркивалось далее, – имеет давнюю историю. Ассамблея напоминает, что законы, наказывающие за святотатство и критику религиозных обрядов и учений, зачастую негативно влияли на научный и социальный прогресс. Ситуация начала меняться по мере развития просвещения и вылилась в отделение церкви от государства. Современные демократические общества тяготеют к светскости и более озабочены свободами личности...» (ст. 7). И наконец: «Ассамблея полагает, что свобода выражения, защищаемая в соответствии со Статьей 10 Европейской конвенции по правам человека, не должна далее ограничиваться с учетом роста чувствительности некоторых религиозных групп» (ст. 12). А религиям было рекомендовано: «В демократическом обществе религиозным общинам разрешается защищаться от критики или осмеяния в соответствии с законодательством и нормами в области прав человека...» (ст. 8) [Резолюция... 2006].

Будут интересными и те рекомендации, которые даются международными структурами в адрес правозащитников в области религии – очень показательный документ. «Защитники свободы вероисповедания оказывают необходимое давление на правительства разных стран, требуя соблюдения международного законодательства, и эта работа приводит к спасению людей от гибели, освобождению их из тюрем, реализации религиозных свобод. ...Если правительство той или иной страны допускает нарушение религиозных прав и свобод, привлекается внимание международных институтов с целью оказания давления на политическом уровне. Защитники религиозных прав и свобод должны выступать против всех форм преследований и репрессий по религиозному признаку, даже если речь идет о чуждом им вероисповедании или если репрессивному воздействию подвергаются люди, отрицающие веру вовсе. Работает правило: чем больше шума вокруг проблемы, тем лучше. Позитивный исход в одном случае может помочь в других похо-

жих ситуациях. Правительства предпринимают попытки подкупа правозащитников, предоставляя преимущества и свободы исключительно тем религиозным группам, из среды которых происходят активисты правозащитного движения. Защитникам религиозных свобод нужно избегать такого искушения» [Защита...].

Все это очень хорошо, но в результате деятельности такого рода правозащитников как раз религия как феномен терпит ущерб и дискриминацию. При этом утрачивается сущность религии как таковой – как совершенно специфического феномена, подобного которому больше нет, смысл которого состоит в спасении души человека для вечной жизни: до этого никому дела нет. Надо защитить религиозное объединение, и все, а является ли это объединение религиозным, нацелено ли оно на спасение души, или это просто эзотерический кружок, или, более того, «клуб по интересам», не имеющий никакого отношения к сущности религии, – это вообще не интересует правозащитников. Результатом всей этой деятельности является еще большее размывание содержания феномена религии, превращение ее в просто общественное объединение со слегка мистическим окрасом.

В таком правовом пространстве процессы религиозной идентичности очень сильно деформированы. Свобода выбора как бы сохраняется, но все, связанное с религией, становится столь ответственным, напряженным и в некотором смысле даже опасным, что человеку легче следовать общей волне секулярности, нежели отстаивать свое право на свободу вероисповедания.

Экуменизм как форма глобализации в религии

Хотя религия идейно и противостоит глобализации, однако она одной из первых в XX в. продемонстрировала стремление к процессам, которые в то время, не называясь глобализацией, были ею по содержанию. Самый яркий из этих процессов в связи с религией – экуменизм. Целью последнего было объявлено единение всех христианских церквей; это единство было заповедано Иисусом Христом, и потому цель представлялась благой. Экуменизм интересен в связи с религиозной идентичностью своей попыткой устранить обилие конфессиональных течений внутри христианства путем создания единой церкви. Если бы задачи экуменизма были достигнуты, идентичность в сфере религии (поначалу христианства) стала бы легкой и очевидной: трудности выбора сменились бы на простое принятие веры или отказ от нее.

Экуменическое движение, зародившееся в 1920 г., оформилось в трех направлениях: для достижения единства церквей была создана организация «Вера и устройство»; для практического (социально-этического) сотрудничества христиан – «Жизнь и деятельность»; для снижения агрессии на международном уровне – «Всемирный союз международной дружбы чрез посредство церквей». Инициаторами движения стали протестантские церкви, которые ощутили необходимость сначала собственного единения, а затем и всего христианства.

Экуменизм существует до сих пор, что говорит об объективной потребности христианского единения, но успехов у экуменизма нет, что указывает на неверную стратегию единения: объединиться в области социального служения и активизации политической роли церкви, не считаясь с разнообразием в догматической сфере. Кроме того, и православные автокефальные церкви, и Римско-католическая церковь согласны на объединение с непременным условием: все остальные

отказываются от своих заблуждений (ересей) и принимают истину соответственно или православия, или католицизма.

Римско-католическая церковь не участвует в экуменистическом движении и предлагает христианам воссоединиться с нею. Папа Пий XI в своей специальной энциклике 1928 г. «Морталиум Анимос» (*Mortalium Animos*) подверг экуменическое движение суровому осуждению. «Ложный призрак добра легко обольщает некоторые умы в смысле возможности установления единения между всеми христианами. Но за прелестью и обольщением подобных речей скрывается великое заблуждение, окончательно разрушающее основы католической веры. Католики ни в коем случае не могут одобрить этих попыток, основанных на ложной теории, что все религии более или менее хороши и здоровы; отбрасывая истинную религию и искажая ее верное понятие, они мало-помалу впадают в натурализм и атеизм; поэтому ясно, что объединение с защитниками этих доктрин и их попыток будет отдалением от божественно явленной религии» [Энциклика...].

Православные церкви осудили экуменизм на Всеправославном совещании в 1948 г. в Москве как измену христианству (хотя Константинопольская православная церковь в экуменистическом движении участвовала с 1920 г. и даже была одним из его организаторов). «Русскую Православную Церковь приглашают участвовать в экуменической конференции, как одну из множества церковных организаций, каждой из коих прилагается понятие Церкви. Но мы, православные христиане, исповедуем, что Церковью, как учрежденною Самим Богом для нашего спасения, можно называть в строгом смысле только одно общество истинноверующих христиан. Называть же церковью каждое из еретических обществ – это значит, не иметь правильного понятия о Церкви и попирающую нашу веру в догмат о Церкви, изложенный в девятом члене Символа веры...» [Серафим; орфография и пунктуация первоисточника сохранены].

Еще один из докладчиков на этом же совещании, протоиерей Г. И. Разумовский, в докладе «Экуменическое движение и Русская Православная Церковь» отметил: «Наше мнение: экуменическая церковь хочет вступить в борьбу на социальном и экономическом поприще в погоне за ненужным и погибельным для души христианина мирским влиянием... Экуменизм объединяет церкви не для совместного обретения ими Царства Божия, но для власти земной. Для этой власти методы экуменизма подходят» [Разумовский]. Такой ясной, внятной и систематической критики экуменизма, как на этом совещании, больше не было.

В настоящее время все православные автокефальные церкви (за исключением Болгарской и Грузинской) участвуют в экуменистическом движении (в созданном в 1948 г. в Амстердаме Всемирном совете церквей), в основном по политическим соображениям. Помимо христианских, в деятельности ВСЦ сегодня участвуют почти все религиозные объединения мира (за редким исключением). Документы ВСЦ написаны нарочито невнятным языком, вводятся двусмысленные термины и словесные обороты, собственно религиозная проблематика уходит на второй план, доминирует секулярное видение решения актуальных проблем современности. Так что это явное осуществление идей глобализма в религиозной сфере. И что же? Религии выиграли? Или формирование религиозной идентичности стало адекватнее и естественнее? Нет, ничего этого не произошло; напротив, религиозная ситуация в современном мире чудовищно усложнилась; с религией связы-

вают догматизм и тоталитаризм, экстремизм и терроризм. Даже отношения между православными церквями стали сложными: последние события на Украине (связанные с предоставлением автокефалии Константинополем) и в Черногории (принятие парламентом нового закона о религии) фактически раскололи православное единство и продемонстрировали реальность этнофилетизма – приоритетов национально-политических интересов над общецерковными православными ценностями.

Экуменизм подверг религиозную идентичность двойной деформации: вымыванию религиозного содержания внутри религиозных общин, входящих в ВСЦ, и подмене собственно религиозной идентичности социально-гуманистическими и политическими ориентирами на всемирном уровне. Концептуально ничего нового в этом нет. Религия не может выиграть от принятия глобалистских идей и участия в глобализации. Казалось бы, экуменизм – это дело только религии. Но его неудачи – настораживающий пример для глобализации в целом. Почему не получается? Многие фигуранты экуменистического процесса участвуют в нем, чтобы нечто приобрести: власть духовную и не только, деньги, статус. Глобализация ведь тоже нацелена на выигрыш и успех. Но мы забываем, что выигрывают немногие, абсолютное большинство теряет. Причем уже сейчас ясно вырисовываются сферы, в которых проигрыш этого большинства закладывается. Современный мир, ориентированный на все растущее потребление, идет к краху. Если и ожидать позитивных результатов глобалистических проектов, то только при кардинальной смене их целей и ориентиров.

Литература

Защита прав человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eastwestreport.org/53-russian/1-r19-2/425-2013-11-30-06-39-39> (дата обращения: 03.12.2019).

Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб. : Алетейя, 2013.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 9. Свобода мысли, совести и религии человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения: 10.08.2019).

Косиченко А. Г. Глобализация и религия // Век глобализации. 2013. № 1. С. 47–58.

Разумовский Г. И., прот. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/dejanija-soveshhanija-glav-i-predstavitelej-avtokefalnyh-pravoslavnyh-tserkvej-tom-2/1_3 (дата обращения: 18.03.2020).

Резолюция ПАСЕ 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований». 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage (дата обращения: 20.01.2020).

Рекомендация ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека». 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage (дата обращения: 15.02.2020).

Серафим, архиеп. Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении? [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/dejanija-soveshhanija-glav-i-predstavitelej-avtokefalnyh-pravoslavnyh-tserkvej-tom-2/2_16 (дата обращения: 18.03.2020).

Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2017.

Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 21–51.

Энциклика папы Пия XI «Морталиум Анимос (Mortalium Animos)» [Электронный ресурс]. URL: <https://fsspx-fsipd.lv/ru/doctrina-ecclesiae/de-vere-religione/32-xi-mortalium-animos> (дата обращения: 17.04.2020).

References

Zashchita prav cheloveka [Protection of Human Rights]. URL: <http://www.eastwestreport.org/53-russian/1-r19-2/425-2013-11-30-06-39-39> (accessed: 12.03.2019).

Joas H. Vozniknoveniye tsennostey [The Emergence of Values]. St. Petersburg : Aletheia, 2013.

Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod. Stat'ya 9. Svoboda mysli, sovesti i religii cheloveka [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Article 9. Freedom of Thought, Conscience, and Religion of Man]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (accessed: 10.08.2019).

Kosichenko A.G. Globalizatsiya i religiya [Globalization and Religion] // Vek globalizatsii. 2013. No. 1. Pp. 47–58.

Razumovsky G. I., archpriest. Ekumenicheskoye dvizheniye i Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov' [The Ecumenical Movement and the Russian Orthodox Church]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/dejanija-soveshhanija-glav-i-predstavitelej-avtokefalnyh-pravoslavnyh-tserkvej-tom-2/1_3 (accessed: 18.03.2020).

Rezolyutsiya PACE 1510 “Svoboda slova i uvazheniye religioznykh verovaniy” [PACE Resolution 1510 “Freedom of Speech and Respect for Religious Beliefs”]. 2006. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_eng.doc.asp#TopOfPage (accessed: 20.01.2020).

Rekomendatsiya PACE № 1804 “Gosudarstvo, religiya, svetskoye obshchestvo i prava cheloveka” [PACE Recommendation No. 1804 “State, Religion, Secular Society and Human Rights”]. 2007. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage (accessed: 15.02.2020).

Serafim, archbishop. Nado li Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi uchastvovat' v ekumenicheskoy dvizhenii? [Should the Russian Orthodox Church Participate in the Ecumenical Movement?] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/dejanija-soveshhanija-glav-i-predstavitelej-avtokefalnyh-pravoslavnyh-tserkvej-tom-2/2_16 (accessed: 18.03.2020).

Taylor C. Sekulyarnyy vek [Secular Age]. Moscow : BBI, 2017.

Turner B. Religiya v postsekulyarnom obshchestve [Religion in a Post-secular Society] // Gosudarstvo. Religiya. Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. No. 2(30). Pp. 21–51.

Entsiklika papy Piya XI “Mortalium Animos (Mortalium Animos)” [Encyclical of Pope Pius XI “Mortalium Animos (Mortalium Animos)”]. URL: <https://fsspx-fsipd.lv/en/doctrina-ecclesiae/de-vere-religione/32-xi-mortalium-animos> (accessed: 04.04.2020).